

Мейман Эрнст

Интеллигентность и воля

**Учение об одаренности и характере
на психологической основе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
381

Э81 **Эрнст М.**
Интеллигентность и воля: Учение об одаренности и характере на психологической основе
/ Мейман Эрнст – М.: Книга по Требованию, 2023. – 335 с.

ISBN 978-5-519-96064-9

ISBN 978-5-519-96064-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе ко второму изданію.

Хотя первое изданіе этого труда съ нѣкотораго времени уже распродано, я бы не спѣшилъ теперь же со вторымъ, чтобы обработать сначала проблему воли въ давно объявленной мною монографіи, но книгоиздательство обратилось ко мнѣ съ своимъ справедливымъ пожеланіемъ переизданія. Еще болѣе побудили меня къ новому изданію многочисленныя письма, которыя я получалъ изъ среды читателей. Однако, многія пожеланія болѣе обстоятельнаго развитія нѣкоторыхъ пунктовъ въ моей книгѣ я могъ принять въ соображеніе только въ очень незначительной степени, чтобы не увеличить слишкомъ ея объема.

Сравнительно съ первымъ изданіемъ я здѣсь своихъ взглядовъ, изъ соображеній принципіальныхъ, по существу не измѣнилъ. Но нѣкоторые основные вопросы, какъ напримѣръ, вопросъ объ отношеніи чувства къ волѣ и нашихъ *общихъ* рѣшеній по отношенію къ *отдѣльнымъ* дѣйствіямъ я разработалъ подробнѣе и пытался защититься отъ недоразумѣній, прибѣгая къ болѣе точной формулировкѣ.

Изъ многочисленныхъ отзывовъ относительно перваго изданія только немногіе оказались для меня поучительными, а именно возраженія г. *А. Леклера*. Этотъ отзывъ, а также и работа *Эльзы Венчеръ* о волѣ, побудили меня къ формальному измѣненію нѣкоторыхъ пунктовъ. Въ частности я рѣше отгѣнилъ главныя систематическія задачи этого сочиненія, именно доставленіе матеріала для синтетической психологіи личности.

Это изданіе снабжено указателемъ именъ упоминаемыхъ въ немъ авторовъ и перечнемъ примѣняемыхъ понятій.

Гамбургъ. Іюнь, 1913 г.

Э. Мейманъ.

Предисловіе редактора перевода.

Книга проф. Э. Меймана, содержащая подробное изслѣдованіе вопроса объ „одаренности и характеръ на психологической основѣ“, выдержавшая на родинѣ въ теченіе короткаго времени два изданія и встрѣтившая чрезвычайно радушный приѣмъ въ научной прессѣ всевозможныхъ направлений, даже далекихъ отъ того, къ которому принадлежитъ авторъ, не нуждается въ особой рекомендаціи. Мнѣ хотѣлось бы здѣсь указать только на мотивы, побудившіе меня предложить переводъ ея вниманію широкаго круга русскихъ читателей и указать на основныя точки зрѣнія автора съ цѣлью облегченія оріентировки въ его работѣ.

Проблема взаимоотношенія между интеллигентностью — съ одной стороны, характеромъ и волей — съ другой, составляющая главный предметъ изслѣдованія Меймана, является однимъ изъ основныхъ и не утрачивающихъ своей остроты вопросовъ нашего національнаго міросозерцанія. Это вопросъ о роли интеллигенціи въ культурной жизни народа и тѣхъ свойствахъ ея, которые обезпечиваютъ ей эту роль духовнаго руководителя массъ. Кто долженъ руководить народомъ — сильные ли волей, „железные“ характеры или широко и всесторонне образованные интеллигентные люди? Не является ли, съ другой стороны, широкое и всестороннее развитіе интеллигентности одной изъ предпосылокъ дряблости, неспособности къ жизненной борьбѣ, такъ называемаго „безволія интеллигентности“, безволія, порождающаго скучающихъ, пессимистически настроенныхъ, „лишнихъ“ людей? Отсюда же ясно, что эта проблема имѣетъ и громадное педагогическое значеніе. Не безъ основанія утверждаютъ, что воспитаніе воли, сильнаго характера, должно найти особенно широкое мѣсто въ системѣ нашего воспитанія, именно тамъ, гдѣ постоянно жалуются на недостатокъ людей съ сильнымъ характеромъ, съ настойчивой, послѣдовательной волей. Проф. Бауманъ въ своей книгѣ „О воли и характеръ“ прямо утверждаетъ, что слабость воли нашъ національный недостатокъ. „Русское любимое выраженіе, гово-

ритъ онъ, *ничего*, т.-е. не волнуйся, не напрягай усилія; поэтому у насъ не достаетъ. какъ инициативы, такъ и настойчивости“. Можетъ быть это сужденіе нѣсколько и преувеличенно, однако, несомнѣнно, вопросы воспитанія воли и характера глубоко интересуютъ широкіе круги родителей и учителей. И для правильнаго рѣшенія ихъ чрезвычайно важно выясненіе взаимоотношеній между интеллектомъ, чувствами и волей.

Было время, когда педагогика рѣшала эти вопросы довольно просто. Для воспитанія воли достаточно „организации круга представлений“ ученика. Это былъ односторонній *интеллектуализмъ*. Онъ почти совершенно отрицалъ значеніе чувствъ въ волевой дѣятельности и сводилъ всѣ душевные процессы къ игрѣ и взаимодействию представлений. Теперь этотъ интеллектуализмъ въ педагогикѣ потерялъ кредитъ, ему на смѣну приходитъ *волюнтаристическое* ученіе о преобладающемъ значеніи въ душевной жизни чувствъ и первенствѣ воли. Инстинктъ, чувства, желаніе—вотъ главные двигательныя пружины воли. Это совершенно правильная—съ біологической точки зрѣнія—теорія оказала большую услугу воспитанію: она разрушила здѣсь интеллектуалистическіе предразсудки и подорвала вѣру въ старое ученіе о томъ, что „знанъ—значить—мочь“, ученіе очень опасное въ практическомъ отношеніи. Но и односторонній волюнтаризмъ оказываетъ воспитанію только *отрицательную* услугу: онъ не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить цѣлый рядъ важныхъ практическихъ вопросовъ, касающихся средствъ воспитанія воли и вполнѣ объяснить ея природу съ *психологической точки зрѣнія*. Въ самомъ дѣлѣ, пускай, инстинктъ, желаніе, стремленіе, смутное и неясное, слѣпая воля—*первичны*: они несомнѣнно господствуютъ въ животномъ мірѣ, но вопросъ вѣдь въ томъ, *какія* формы воли надо считать наиболѣе *совершенными* и заслуживающими культивирования, развитія, поощренія: инстинктивныя ли, опирающіяся на слѣпое стремленіе, эмоціональныя, исходящія изъ постоянно смѣняющихся чувствъ и неустойчивыхъ настроеній, идеомоторныя, обусловливающіяся подражаніемъ своимъ или чужимъ дѣйствіямъ или, наконецъ, сознательныя, разумныя, въ основѣ которыхъ лежитъ обдумываніе цѣлей и средствъ для ихъ осуществленія, взвѣшивание мотивовъ, одобреніе или неодобреніе желаній, стремленій, рѣшеній, иначе говоря, формы, ведущія къ поступкамъ на основаніи связанныхъ съ міросозерцаніемъ убѣжденій, на почвѣ принциповъ?

Мейманъ высказывается со всею рѣшительностью—въ этомъ и лежитъ центръ тяжести его изслѣдованія—въ пользу послѣд-

няго мнѣнія. Правда, весь животный міръ, дикари, малокультурные народы и большинство людей—вообще масса—руководятся въ своихъ поступкахъ чаще всего не идеями, не соображеніями о цѣнности мотивовъ, не принципами, а инстинктами, желаніями, стремленіями, чувствами и т. д., но въ то же время несомнѣнно, что *высшимъ* типомъ волевого дѣйствія *необходимо* признать дѣйствіе *разумное*, сознательное, принципиальное. Волевой поступокъ—въ идеальномъ смыслѣ—есть сознаніе и одобреніе цѣли дѣйствія, согласіе на его выполнение. Онъ невозможенъ психологически безъ *интеллекта*, указывающаго слѣпой, неразумной волѣ дорогу. Правда, человѣкъ съ широко развитымъ интеллектомъ, но со слабой волей, мало пригоденъ и полезенъ для жизни, но еще болѣе справедливо и обратное: малоприспособленъ и человѣкъ съ сильной волей, но глупый. Отсюда ясно, что интеллигентность и воля *взаимно* другъ друга обуславливаютъ. При этомъ, если рѣчь идетъ о воспитаніи, прогрессѣ, развитіи, то, по мнѣнію нашего автора, надо поставить на первомъ мѣстѣ интеллектъ. Прогрессъ, говоритъ онъ, заключается не въ томъ, что увеличивается число людей съ суровой и грубой силой воли соединенной съ низкимъ уровнемъ умственного развитія, а въ томъ, что все болѣе и болѣе усиливается господство интеллекта надъ волей. И цѣль развитія отдѣльной личности заключается не въ волѣ, господствующей надъ интеллектомъ, а въ наибольшемъ усовершенствованіи интеллектуальныхъ свойствъ вообще, руководимыхъ волей. То же самое справедливо и по отношенію къ міровоззрѣнію человѣка: оно тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе опирается не на темныя предчувствія, какъ у первобытныхъ людей, не на чувства и желанія, какъ у массы обыкновенныхъ людей, а на логическое построеніе, научное изслѣдованіе дѣйствительности согласно строгимъ точнымъ методамъ, т.-е. на хорошо дисциплинированныя умственныя способности. Но отсюда совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что для воспитанія воли вполне достаточно, какъ думали раньше интеллектуалисты, расширить кругъ представленій ребенка. Дѣло гораздо сложнѣе. Мы вѣдь, на каждомъ шагу наблюдаемъ что между хотѣніемъ, даже рѣшеніемъ и осуществленіемъ этого рѣшенія, дѣйствіемъ—очень широкая пропасть, которую далеко не всѣмъ удастся перешагнуть. Иначе говоря, почему хотѣніе или рѣшеніе не всегда сопровождается дѣйствіемъ, иногда же человѣкъ поступаетъ вопреки своимъ принципамъ, намѣреніямъ? *Мейманъ* отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, имѣющій громадное практическое значеніе для воспитанія, такимъ образомъ. Связь между рѣшеніемъ и дѣйствіемъ—*ассоціаціоннаго* характера и укрѣпляется.

только повтореніемъ и упражненіемъ. *Дѣйствіе должно быть заучено.* Въ этомъ и лежитъ центръ тяжести воспитанія воли. При чемъ большую роль играютъ такіе факторы, какъ продолжительность заучиванія, количество повтореній, содѣйствіе чувствъ и фантазіи, приспособленіе средствъ упражненія къ характеру индивидуальной одаренности. Такимъ образомъ вопросъ о развитіи и воспитаніи воли тѣсно связывается съ проблемой *индивидуальной одаренности*, особенно умственной одаренности или интеллигентности. Причина измѣны человѣка своему рѣшенію, заключается, по мнѣнію Меймана, главнымъ образомъ въ томъ, что оно не было достаточно энергичнымъ. Не энергично же оно въ томъ случаѣ, если не было *обдуманно* при обсужденіи мотивовъ съ достаточною полнотою, точностью и всесторонностью, т.-е. если оно не опиралось на значительно развитыя умственные способности, на сильную *интеллигентность*.

Подъ *интеллигентностью*, оказывающей громадное вліяніе на волю, Мейманъ подразумѣваетъ, главнымъ образомъ, способность къ продуктивному мышленію, самостоятельному и независимому сужденію—качества, которыя должны особенно заботливо культивироваться въ школѣ, имѣющей въ виду развитіе высшихъ волевыхъ формъ. Но подобно тому, какъ существуютъ высшія и низшія формы воли, можно также говорить о высшихъ или низшихъ формахъ или эквивалентахъ интеллигентности. Острая наблюдательность, активное вниманіе, богатая память, творческая фантазія являются, у очень многихъ людей до извѣстной степени, *замѣною* интеллигентности въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. замѣною мышленія и сужденія. Но всѣ эти *низшіе эквиваленты* интеллигентности могутъ быть для самостоятельнаго и продуктивнаго сужденія, по мнѣнію нашего автора, не только полезными, но и вредными. Они сами въ большинствѣ случаевъ нуждаются въ поддержкѣ мышленія. Слишкомъ острая, повышенная наблюдательность, напримѣръ, мѣшаетъ синтезу воспринимаемаго, богатая память мѣшаетъ самостоятельности сужденія и т. д. Особенности умственного склада человѣка отражаются на формахъ его воли и характера. Люди, обладающіе только низшими эквивалентами интеллигентности, поступаютъ иначе, чѣмъ тѣ, кто способенъ къ творческой фантазіи, самостоятельному, продуктивному мышленію. Этимъ вопросомъ о разнообразіи *формъ воли и характера* Мейманъ занимается въ послѣдней части своей книгѣ (первыя части посвящены анализу интеллигентности и воли). Онъ различаетъ здѣсь между прочимъ: 1) чистыя волевые формы, 2) эмоціональныя (темпераменты) и 3) интеллектуальныя. Вопросъ

объ измѣняемости характера подъ вліяніемъ воспитанія онъ связываетъ съ ученіемъ объ измѣняемости вообще природныхъ задатковъ при помощи упражненія и развитія наиболѣе сильныхъ сторонъ личности, индивидуальности. Исходя изъ психологическаго анализа взаимоотношеній между интеллигентностью и волей, *Мейманъ* высказывается въ концѣ концовъ за метафизическій интеллектуализмъ, признающій основное начало міра міровымъ разумомъ, высказывается за *приматъ разума*, но въ то же время онъ дѣлаетъ попытку *примиренія* интеллектуализма и волюнтаризма въ высшемъ синтезѣ, пользуясь понятіемъ *разумной воли*, т.е. воли, управляемой разумомъ.

Таково въ общихъ чертахъ богатое содержаніе изслѣдованія *Меймана*, опирающагося на данныя не только новѣйшей психологіи, но и повседневнаго опыта, что дѣлаетъ его книгу особенно близкой къ дѣйствительной жизни. Авторъ самъ указываетъ на то, что онъ имѣетъ въ виду рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніи между интеллигентностью и волей не только съ чисто научной, психологической точки зрѣнія, но и съ индивидуально-психологической и телеологической, практической. Конечно, въ томъ рѣшеніи одного изъ основныхъ вопросовъ психологіи, имѣющихъ большое значеніе и для педагогики, которое предлагается *Мейманомъ*, многое можно и даже должно оспаривать. Онъ несомнѣнно недооцѣниваетъ значеніе чувствъ въ волевой дѣятельности, не обращаетъ достаточнаго вниманія на разнообразіе волевыхъ предрасположеній различныхъ людей и всю проблему взаимоотношенія между интеллигентностью и волей рѣшаетъ, исходя изъ мысли о необходимости доказать *приматъ* той или другой; этотъ вопросъ, выражаясь вульгарно, о курицѣ и яйцѣ поставленъ въ сущности, довольно односторонне. Но Майману нельзя отказать въ послѣдовательности и стройности въ развитіи имъ своихъ мыслей, въ убѣжденности и умѣломъ использованіи научныхъ и практическихъ данныхъ для доказательства своихъ основныхъ положеній, и въ искусствѣ убѣждать читателя. Его книга, полная живыхъ примѣровъ, несмотря на серьезность и сложность проблемы, сначала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и несомнѣнно расширяетъ пониманіе затронутыхъ въ ней проблемъ, заставляя надъ ними задумываться. Надо къ этому прибавить, что книга *Меймана* является очень обстоятельнымъ и своеобразнымъ курсомъ психологіи, который можетъ оказать большую услугу студентамъ при изученіи этой области знаній. Своеобразность ея заключается въ томъ, что, затрогивая всѣ основныя проблемы психологіи, авторъ стремится не столько къ

анализу основныхъ душевныхъ процессовъ, съ чѣмъ мы встрѣчаемся во всѣхъ университетскихъ курсахъ, но и къ ихъ синтезу; онъ имѣетъ въ виду, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, построение *синтетической* психологіи личности. Его книга является прекраснымъ введеніемъ въ изученіе специальныхъ трудовъ по индивидуальной психологіи и характерологіи.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ вскорѣ по выходѣ 2 нѣм. изданія съ разрѣшенія автора, обѣщавшаго написать предисловіе къ русскому переводу, но не выполнившего этого обѣщанія въ виду неожиданной, преждевременной смерти. Внезапно разразившаяся война, прекратившая почтовые сношенія между Россіей и Германіей, надолго затормозила печатаніе совершенно готоваго перевода. Въ оригиналѣ книга *Меймана* называется: *Intelligenz und Wille*. Слово „Intelligenz“ правильнѣе всего было бы переводить „интеллигенція“, но въ виду того, что это послѣднее слово у насъ употребляется въ чисто *конкретномъ* смыслѣ, я перевожу „Intelligenz“ словомъ „интеллигентность“.

Редакторъ.

Лейпцигъ, августъ, 1915 г.

2247

ВВЕДЕНИЕ.

Ближайшее опредѣленіе задачи изслѣдованія.

Что за *проблема* для науки и жизни—интеллигентность и воля? Какіе вопросы, какія загадки, требующіе научнаго разрѣшенія ставятъ они намъ? Вотъ соображенія, изъ которыхъ мы исходимъ.

Прежде всего выдѣлимъ два главныхъ вопроса—*теоретическій и практическій*: обѣ „духовныя силы“—интеллигентность и воля—должны быть изслѣдованы чисто теоретически; мы должны попытаться выяснитъ ихъ „*сущность*“, иначе говоря, опредѣлитъ при помощи данныхъ общей психологіи ихъ основныя качества и тѣ *отношенія*, въ которыхъ онѣ стоятъ другъ къ другу у каждаго человѣка. Далѣе мы должны отмѣтить различныя *ступени, оттънки и формы*, въ которыхъ проявляются интеллигентность и воля, какъ сами по себѣ, такъ и въ ихъ взаимоотношеніи другъ къ другу у человѣка. Предположимъ, что мы рѣшили всѣ эти вопросы при помощи данныхъ психологіи, но для полнаго пониманія интеллигентности и воли этого было бы еще недостаточно. Въдъ наша душевная жизнь, внѣ физическаго организма, при помощи котораго она проявляется, не существуетъ. Душа заключена въ тѣлѣ, и какъ бы мы, на основаніи нашего міросозерпанія, не представляли себѣ взаимоотношеніе между ними—въ видѣ ли взаимодействія двухъ силъ (дуализмъ), или какъ результатъ внутренняго единства (монизмъ), или какъ вполне согласованное параллельное теченіе физическихъ и духовныхъ процессовъ (параллелизмъ)—во *всѣхъ случаяхъ на опытъ* обнаруживается очевидная зависимость ихъ другъ отъ друга и постоянное *взаимодействие* этихъ двухъ „субстанцій“. Если тѣло человѣка слабо или „запаздываетъ“ въ своемъ развитіи, то непременно въ какомъ-нибудь отношеніи, существуетъ и духовная слабость и духовное недоразвитіе; въ крайнемъ случаѣ, физическая слабость обнаруживается въ недостаткѣ усидчивости при

умственной работѣ. И, наоборотъ, сильная, непреклонная воля и стоящій выше средняго интеллектъ заставляютъ предполагать, какъ обязательный физическій эквивалентъ, крѣпкій организмъ или, по меньшей мѣрѣ, работоспособный мозгъ. Исключенія изъ этого правила—только кажущіяся. Когда мы видимъ, что такой великій философъ, какъ *Кантъ*, обладая слабымъ, плоскогрудымъ, расположеннымъ къ заболѣваніямъ организмомъ, всетаки, благодаря силѣ воли и духа, выполнялъ такую работу, которая по своей глубинѣ, основательности и размѣрамъ, доступна только для немногихъ людей; когда мы знаемъ, что римскіе полководцы *Цезарь* и *Велизарій*, страдавшіе эпилепсіей, въ то же время предпринимали величайшіе походы и переносили величайшія физическія страданія, то мы должны предположить, что ихъ организмъ обладалъ, въ извѣстномъ отношеніи, выдающейся работоспособностью, что они имѣли, выражаясь нѣсколько вульгарно „здоровый мозгъ“, нервная сила котораго увлекала за собою остальные части тѣла и брала отъ нихъ все, что можно было взять. Подобнымъ же образомъ и отдѣльные случаи временнаго физическаго недомоганія, усталости, изнуренія, заболѣванія, или наоборотъ—физическая свѣжесть, большой запасъ неизрасходованныхъ силъ нервной системы отражаются непременно на духовной жизни или въ видѣ *умственнаго* утомленія и истощенія или же въ видѣ повышенія успѣшности работы и ея результатовъ. Съ другой стороны, сильное напряженіе воли или воодушевленіе духовной работой укрѣпляютъ, какъ мы видимъ *на опытъ*, и тѣло и дѣлаютъ его способнымъ къ величайшему напряженію.

Поэтому мы только тогда поймемъ природу и формы интеллигентности и воли, когда обратимся къ ихъ физическимъ основамъ, насколько онѣ доступны нашему изученію.

Такимъ образомъ намѣчается въ общихъ чертахъ наша теоретическая задача. Но, какъ это мы увидимъ позднѣе, намѣчается задача только непосредственно теоретическая! Съ нею мы должны связать и дальнѣйшую, которая тогда только будетъ вамъ понятна, когда мы рассмотримъ *практическую* сторону нашей темы. Эта послѣдняя потребуетъ отъ насъ общаго отвѣта на вопросъ: какое *значеніе* имѣютъ интеллигентность и воля для человѣческой личности и жизни, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества. Эта тема естественно распадается на рядъ отдѣльныхъ вопросовъ: какое *значеніе* имѣетъ для личности и жизни интеллигентность и какое воля и въ какомъ *отношеніи* находятся другъ къ другу эти душевныя силы? Далѣе возникаютъ другіе *второстепенные* вопросы относительно теоретическаго изслѣдо-